

Песня, по преданию сложенная самим Разиным в темнице и записанная им углём на стене

Схороните меня, братцы,
Между трёх дорог,
Меж московской, астраханской,
Славной киевской;
В головах моих поставьте
Животворный крест,
А в ногах моих положьте
Саблю вострую.
Кто пройдёт, или проедет —
Остановится,
Животворному кресту он
Тут помолится,
Моей сабли, моей вострой
Испугается:
Что лежит тут вор¹ удалый,
Добрый молодец,
Стенька Разин, Тимофеев
По прозванию.

¹ Значение слова «вор» в то время: ослушник, отказывающийся подчиняться московской государственной и боярской власти.

Захар Прилепин

«СНЯТЬ ЧЁРНУЮ РЖАВЧИНКУ, ВСКРЫТЬ БЕЛУЮ ГРУДОЧКУ...»

*Конкретный человек Степан Тимофеевич Разин:
без ретуши и вымысла*

Порой говорят: о Разине известно слишком мало.

Полноте!

О Разине известно очень многое; существует четырёхтомник административной переписки XVII века о разинском восстании — сотни документов! Есть разнородный свод воспоминаний иностранцев, видевших Разина и общавшихся с ним. Более того — за последние десятилетия обнаружены десятки новых документов.

Биография Разина с учётом всего этого успешно реконструируется в целом, там же, где остаются неосвещённые места, с высокой долей вероятности можно предполагать участие его в определённых событиях. Только надо сразу вставать на правильный след.

Приведём простой пример.

Долгое время считалось, что Разин — уроженец станицы Зимовейской на верхнем Дону, образованной примерно в 1630 году.

В Зимовейской же 100 лет спустя родился, между прочим, другой великий бунтарь — Емельян Иванович Пугачёв.

Увы, многие исходили из этого посыла: скажем, авторы замечательных романов, посвящённых Разину, — Алексей Чапыгин и Степан Злобин.

Позже выяснилось, что информация о рождении Разина в Зимовейской — ложная.

Дело даже не в том, что станица Зимовейская возникла уже после смерти Разина.

В 30-е годы XVII века — время рождения Разина — низовое казачество не признавало никаких верховых казаков.

И основания для того имелись самые веские.

Городки на нижнем Дону находились в состоянии постоянной войны с азовскими и крымскими татарами, с ногайскими ордами, наконец, с Османской империей, так или иначе контролировавшей и Крым, и Азов, и побережье Азовского моря.

Жизнь казачества того времени нисколько не напоминала поздний быт казаков, знакомый нам, например, по шолоховской эпопее «Тихий Дон». В XVII веке об-

стоятельства были совсем иными: никаких степенных, тишайших, текучих картин. Страсть и жуть! — вот что являла собой та небывалая жизнь.

По большей части казаки той поры были не наездниками, а пиратами. Подавляющее большинство их сражений — морские: на воде они чувствовали себя отлично. В конном бою азовские или крымские татары, а также кочевые ногайские орды зачастую оказывались сильнее донцев. Кроме того, татары и ногайцы имели огромное численное превосходство: их было в десятки раз больше казаков, счёт которых шёл на считанные тысячи.

Появившиеся на Дону только к середине XVI века — за несколько десятилетий до рождения Разина — казаки ютились в своих так называемых «городках», занимавших островки посреди Дона.

Дикое поле казакам не принадлежало: они выходили туда только вооружёнными группами и с превеликой опаской.

Но, несмотря на малую свою численность, казаки непрестанно атаковали Азов, крымские селения, а то и черноморские побережья Османской империи.

Вернувшиеся из походов живыми проживали добычу, чтоб в следующем году снова идти в поход. Земледелием казаки не занимались вообще.

В ответ османы, татары, ногайцы атаковали казачьи городки, стараясь сбить казаков с нижнего Дона.

(Верховые донские городки их, в сущности, не интересовали).

Несколько раз нападения были удачными, и Черкасск, а также иные ближайшие станицы сжигали дотла. Малому числу казаков удавалось выжить, отступить, бежать.

Однако в следующем же году казаки возвращались на прежнее место, стремительно обживались и снова шли походом на Азов, на Крым, на кочевья ногайских орд, на далёкие черноморские города.

Вся казачья жизнь была жесточайшим конфликтом с внешним противником.

В этой ситуации существование за сотни километров каких-то там верховых городков для низового казачества было в лучшем случае предметом насмешек.

Вернёмся теперь к Разину.

Согласно сохранившимся документам, молодой Разин дважды с черкасской станицей ходил на богомолье к Соловецкому монастырю, был переговорщиком Донского войска, общаясь в числе прочего с калмыцкими тайшами, а в битвах с кочевниками возглавлял казачьи отряды.

Конечно же, будь Разин верховым казаком, никогда б подобного положения в Черкасске не занял. Его бы там просто не знали.

Собственно говоря, как и было 100 лет спустя, когда в Черкасске никто не знал ни о каком Емельяне Пугачёве. И когда Пугачёв начнёт бунтовать на Яике — низовые донские казаки на бунт его не откликнутся.

В казачьих песнях, которые, на самом деле, очень точно, зачастую документально фиксируют начало разинских бунташных походов и его великой славы, прямо говорится, что Разин — черкасский казак.

В конце концов, он был крёстным сыном атамана Войска Донского Корнилы Яковлева. С чего бы Корнила стал крестить казачка Зимовейской станицы — чёрт знает где находившейся (а вернее, даже и не существовавшей тогда)? Естествен-

но, он крестил сына своего боевого товарища и черкасского соседа — казака Тимофея Разина.

Исходя из этой очевидности, мы видим совсем другими становление и молодость Степана Разина.

События, связанные с Черкасском, благодаря всё новым и новым документам, вводимым в научный оборот, подробно исследованы. Надо всего лишь наложить их на жизнь Разина.

Черкасские перипетии 40-х, 50-х, 60-х годов XVII века — часть разинской судьбы. Он находился внутри, он всё это видел.

Морские походы казаков середины XVII века (в походы практически всегда уходили из Черкасска либо с ближайших городков) известны: количество казаков, уходящих туда, и результаты их — удачливые либо плачевные. В нескольких из этих походов Разин, безусловно, участвовал.

Когда в 1667 году Разин вступил в конфликт с войсковой администрацией Дона, начав создавать собственное казачье войско, он уже имел имя и безусловный авторитет.

Как мы знаем, в 1668–1669 годах Разин совершит бесподобный пиратский рейд по Каспийскому (тогда — Хвалынскому) морю. Но за ним никто бы не пошёл, когда б он уже не проявил себя как удачливый участник прежних казацких морских экспедиций.

О молодости Разина ещё придётся рассказать по-новому, в необычайных и самых потрясающих подробностях. Он прожил сложную, увлекательную, небывалую жизнь.

Мы ещё сумеем её разглядеть.

Разин знал восемь языков.

В этом, надо сказать, нет ничего удивительного.

Для начала: он был тума, полукровка, сын татарки или турчанки, привезённой отцом из похода.

Мать обучила его своему языку.

За всеми остальными языками Разину тоже далеко ходить не пришлось.

В Черкасске имелся рынок, на котором почти постоянно находились русские, персидские, греческие, калмыцкие, черкесские, ногайские, польские купцы. Часто купцы оставались в Черкасске зимовать.

Со всеми названными народами донские казаки не только торговали, но и воевали и вступали в самые разнообразные союзы.

Казачье войско пополнялось в основном беглыми русскими людьми: отец Разина пришёл на Дон из-под Воронежа. Однако в первой половине XVII века в Черкасске уже существовала отдельная татарская станица, и татары жили с донцами бок о бок. Кроме того, запорожские, черкесские, греческие и даже еврейского происхождения казаки попадались в Войске Донском сплошь и рядом.

В результате всего этого не только Разин, а почти любой донской казак мог изъясняться на нескольких наречиях. Однако Разин как дипломат обязан был в совершенстве знать языки — иначе какой из него переговорщик: обманут на ровном месте.

Разин, безусловно, являлся участником не только морских походов, сражений с ногайцами и калмыками, но ещё и русско-польской, начавшейся сразу после воссоединения Украины с Россией войны.

На той войне русский князь Долгорукий казнил старшего брата Разина — Ивана Тимофеевича Разина — за то, что в условиях перемирия тот посмел самовольно увести свой казачий отряд на Дон — поправить дела, приструнить крымчаков.

Говорят, Ивана повесили на глазах Устепана.

...Не надо бы у русского человека брата вешать — всякий раз это кончается нехорошо...

Позже, начав свой бунт, Разин пытался привлечь на свою сторону запорожских атаманов: и наследника Богдана Хмельницкого — Ивана Сирко, и гетмана правобережной Украины — Петра Дорошенка.

Кого-то из них, и уж точно многих запорожских есаулов, Разин наверняка знал лично. Иначе вообразите себе ситуацию: приходит в Запорожье откуда-то — то ли с Дона, то ли с Яика, то ли с Волги — письмо, а там написано: я, мол, Разин Степан, сын Тимофеев, начал тут войну против Белого царя, приходите ко мне.

Никто б это всерьёз не воспринял.

А к Разину запорожцы пришли — пусть и не в том количестве, как он ожидал.

Что до объединения Московии и Малороссии: Разин, равно как и брат его Иван, безусловно, были за. Они же ж за это воевали. Тут у них вопросов никаких не было.

Вопросы были к Белому царю.

С какого-то времени Разину стало тесно на Дону.

Есть песня такая:

Стенька Разин <...> себе что ни лучшего казака шельму-разбойничка выбирал:

«Кто бы во синем море достал жёлтого песочку,

Да чисто-начисто вычистил мой вострый булатик,

Снял бы с него чёрную ржавчину, да наострил бы его остро-наостро,

Да и вскрыл бы мою белу грудочку, да и посмотрел бы в моё ретиво сердце,

Отчего оно больно болит...»

Отчего болело? Ведь болело же, если он то молиться шёл за тридевять земель, то в своей донской земле казачьей вдруг почувствовал себя чужаком, изгоем.

Другая песня:

У нас то было, братцы, на тихом Дону, на тихом Дону,

во Черкасском городе породился удалой добрый молодец по имени

Степан Разин Тимофеевич.

В казачий круг Степанушка не хаживал,

Он с нами, казаками, думу не думывал,

Ходил, гулял Степанушка во царёв кабак,

он думал крепку думушку с голытьбою: «Судари мои, братцы, голь кабацкая...»

Так всё и было.

Старые казаки, по мнению Степана Разина, начали тяжелеть, забывая, какими были прежде: дикими, злыми, неугомонными.

Беглых низовые домовитые казаки презирали, в состав Донского войска принимали неохотно. Разин находил это подлым: он и сам был воронежский и знал, что почти все домовитые пришли когда-то со своих рязанских, пронских, мещерских, тульских окраин — большинство казачьих фамилий о том говорило прямо.

Голь кабацкая Разину оказалась ближе.

С крёстным отцом Корнилой Яковлевым, возглавлявшим Войско Донское, отношения Степана пошли по шву.

Корнила опытный был вояка, сильный казак; его было за что уважать — но сидеть в его тени Разин не мог, а шансов переиграть крёстного и быть избранным донским атаманом вместо него — не имел.

В те времена ведь было примерно так же, как и в наши дни: хоть атаманов и выбирали на кругу, но у Корнилы уже имелись свои крикуны и выборщики, ратовавшие за него, — и партию эту преломить было невозможно.

К тому ж ещё и Москва так или иначе поддерживала понятного ей и не раз в белокаменную ходившего со станицею Корнилу.

«Ну и чёрт бы с вами», — решил Разин.

Ему уже было 37 лет — пора было в масть входить самостоятельно.

Сколотив себе весной 1667 года ватагу, Разин самовольно, без дозволения круга Войска Донского начинает свою игру.

Он, конечно же, помнил, как 30 лет назад казаки взяли город Азов и четыре года удерживали его. В том великом походе участвовали и Корнила Яковлев, и молодой ещё отец Степана — Тимофей Разин, — скончавшийся от ран ещё в 1652 году.

«А вот бы и мне взять Азов, а оттуда — идти на Крым», — думает Разин и выдвигается к Азову.

С собой, пока ещё добром, зовёт он низовых казаков со всех ближайших городков. Откликается, может, сотня, может, самое большое, две. А ему были нужны тысячи.

«Ладно, — говорит Разин. — Ладно».

Прибыв под Азов и пересчитав пришедших с ним, опытный вояка, он осознал: слабовата пока его вольница — несколько сот казаков всего: какой с ними Азов.

Приходится на ходу выдумывать иную затею, тем более что ватага желает жрать.

Поднимаясь вверх по Дону, разинские казаки, как отписывали государю из Черкаска, «...многие казачьи городки разоряют, проезжих торговых людей и казаков грабят и до смерти побивают», «многих хозяев и работников бьют и вешают беспрестанно».

Так Разин из удачливого дипломата и военачальника обратился в разбойного атамана.

Сам захотел такой судьбы, осмысленно, земной свой путь пройдя за середину.

Перебравшись с Дона на Волгу, работнички Разина ограбили шедший сверху богатый караван, изрубили начальных людей, а с патриаршего струга трёх «повесили на шоглу за ноги, а иных за голову».

Никакого почтения к патриаршей собственности, заметим, Разин не испытывал.

Тут, кстати, переметнулся к Разину весьма характерный тип — приёмный боярский сын Лазунка Жидовин, ну, или, если хотите, жид Лазарь.

Смутьяны спустились вниз по Волге, миновали Астрахань, ушли к Яику (ныне Урал) и подлым обманом взяли Яицкий городок, где зазимовали.

Когда оттаяли зимние льды, отогревшиеся Стенькины работнички двинули по Еврейскому — оно же Хазарское, оно же Хвалынское, оно же Каспийское — морю. К персидским берегам.

Погуляли там знатно; освободили несколько сотен русских полоняников; но, любопытный факт: в какой-то момент загнанный со своей ватагой в угол Разин неожиданно предложил шаху принять его с войском в подданство.

Шах втайне думал, что Разина вообще прислал московский государь, и пытался понять, в чём тут подвох. Почта тогда ходила долго, и спросить совета шаху было не у кого.

Поняв, что шах затягивает переговоры, чтобы собрать войско, Разин опережает его и атакует сам. Так, казаки напали на Астрабад, порезали всех мужчин, ограбили жилища и увезли восемьсот женщин на остров в двух днях пути от города.

Вообразите себе: бежал какой-нибудь молодой, задорный мужик из рязанской своей захудалой деревеньки на Дон — и спустя считанные месяцы оказался вдруг посреди Еврейского моря — обкурившийся веселящего дыма, под ним и на нём — гроздя полуголых персиянок, весь в парче, в золоте, увешанный оружием.

Думает: вернусь, деду Николаю Егорычу расскажу; одна беда — не поверит ведь.

Между прочим, ровесником Разина был легендарный пират Генри Морган, перебравшийся из Англии к берегам Испанской Америки и создавший свою пиратскую флотилию. Головокружительная судьба его закончилась тем, что он стал первым вице-губернатором Ямайки.

Определённо, Разина судьба вела почти по тому же маршруту — да вот шах не согласился взять себе казака на службу.

В качестве курьёза заметим, что в том же 1667 году Д'Артаньян был повышен в чине до капитан-лейтенанта, фактически став командиром первой мушкетёрской роты, — выше его был лишь король, номинальный капитан мушкетёров.

Можно поставить Моргана, Разина и Д'Артаньяна в рядок — полюбоваться.

При иных обстоятельствах они могли бы и встретиться. Где-нибудь в Средиземном море.

— Генри. Сэр Генри Морган.

— Д'Артаньян!

— Степан Тимофеевич, атаман. Будемте знакомы.

Море тем временем сделалось бурным, и Стенькины разбойники сочли это наказанием за их оргии и прочие непотребства.

Часть женщин принесли морю в жертву, чтоб успокоить стихии. Море успокоилось.

Явилось тут войско персидского шаха: четыре тысячи отборных воинов на лучших кораблях — против разинской тысячи казаков на латанных-перелатанных стругах.

В том сражении казаки персов разгромили наголову, одержав, между прочим, крупнейшую русскую морскую победу в XVII веке.

Несметно богатый и небывалой удачей овеванный, Разин возвратился на Дон. Чтoб не связываться с удачливым атаманом, царь Алексей Михайлович прислал ему прощение всех вин. Думал: исправится, одумается. Как же...

Зимой 1669 года Разин шлёт гонцов к гетману Правобережной Украины Петру Дорошенко и атаману войска Запорожского Ивану Серко — подыскивая товарищей для задуманного. Чуть позже отправляет он гонцов к опальному патриарху Никону. Только Генри Моргану не написал, а тот бы вдруг и откликнулся. И Серко, и Дорошенко, и сосланный в монастырь Никон будут тянуть время.

Явится к Разину большой запорожский отряд; и всё на том.

Если бы поддержали — лопнула бы Русь, как арбуз, и явилась бы — всеми своими сочными, алыми внутренностями — совсем иная русская история.

В мае 1670 года начался великий поход разинского воинства.

Набрeдшей гoлытьбы с ним было уже с четыре тысячи, и тысяча казаков.

Выйдя к Волге и собрав круг, Степан Разин сказал своё легендарное: «Я пришёл дать вам волю!»

Но сам, продолжая ждать ответов от Никона и запорожских атаманов, ещё не решил для себя: куда ж всё-таки направиться.

Взяв Царицын, Разин снова спустился по Волге вниз, к неприступной Астрахани, которую, впрочем, слёту захватил, и завис там на два разгульных месяца.

Раздумывал: может, Бог с ней, с этой Русью, — и снова на Хвалынь отправиться, сапоги помыть у персидских берегов?

Ответы всё не шли; Никон молчал.

Между прочим, духовник Разина — окормлявший его казаков черкасского происхождения священник — служил по старому обряду.

Значит, сам Разин крестился двумя перстами.

Однако ж он был политик и видел, что народ пока не разобрался в случившемся: раскол только-только начинался, а сосланного Никона большинство считало осуждённым невинно.

Посему Разин обил один из стругов красным бархатом и сообщил всем, что на струге том едет с ним патриарх Никон.

А другой струг изукрасил ещё искуснее и сказал, что в том струге — бежавший от злых бояр царевич Алексей Алексеевич — нечаянное спасение святой Руси.

Разинцы будут идти на штурм городов с криком:

— Нечай!

И направился Разин вверх по Волге.

Он задумал неслыханное: прийти к Москве и забодать её.

Усадить Белого государя напротив и спросить с него за многое.

За повешенного брата. За боярский и воеводский беспредел по всей Руси.

Но не только.

Казаки ведь были самыми активными участниками Смуты начала века — той са-мой, когда Лжедмитрий сменял Лжедмитрия, а московские бояре присягали то одному, то второму, то третьему.

Казаки всё видели, каждого участника запомнили в глаза. Ни одно событие без их участия не обошлось.

Романовых на царство усадили при самом активном казачьем содействии. Без донцев и не случилось бы династии этой.

Разин в детстве знал и слушал донских стариков, прошедших через все события Смуты и запомнивших куда больше, чем положено знать смертному человеку.

И спустя не слишком великий с тех событий срок Разин считал себя вправе спросить: а и вправду ли ты, государь, обладаешь той богоданной силою, чтоб ущемлять казацьи вольности, ссылатъ патриархов и глядеть на Русь, как на холопку твою?

Может, вы забыли, но казаки-то помнят, как патриарх Филарет самозванцу присягал; и как потом, когда сел на трон сын его Михаил, невинное дитя Марины Мнишек и Лжедмитрия было повешено.

И дитя висело в петле посреди русской зимы и умерло не от удушья, потому что петля на цыплячем горле не сходилась, а от холода.

«Может, это не посреди моего, разинского сердца, трещинка поползла, — спросил бы Разин, — а трон ваш трещиной пошёл?»

...цель у Разина была прозрачна: посадить на трон липового царевича и править Московией самому. Он считал, что справится.

Есть тема для одного, до сих пор парадоксальным образом не поднятого исторического исследования.

Песни о разинских похождениях создавались при его жизни, тут же, по тёплым ещё следам.

Разругался с домовитыми казаками и перестал ходить на черкасский круг — одна песня.

Вышел на Волгу со своей ватагой — вторая.

Объявился на Яике и захватил Яицкий городок — третья.

Из городка ушёл на Хвалынь — четвёртая.

С трудом пережил каспийскую зиму — пятая.

Задумался, как бы миновать Астрахань по дороге домой на Дон, не вступая в бой с астраханским воеводой, — шестая.

Астраханский воевода вышел казакам навстречу со своими стрельцами, Разин решил избежать прямого столкновения и отступил с того острова, на котором стоял, а впопыхах забыли есаула — седьмая песня.

Получив прощённую грамоту от государя московского, Разин вошёл в Астрахань с миром, где поразил астраханский люд богатством своего воинства, а заодно сошёлся в Астрахани с местной знахаркой, — вот и восьмая песня.

Вернулся на Дон, задумал новый поход и снова выкатился на Волгу — девятая.

Послал в Астрахань своего сынка — едва ли родного, — но, скорей, лазутчика из числа приближенных казаков, — чтоб разведать обстановку в городе, а сынка схватили и в темницу заключили — десятая песня.

Захватил Астрахань, а воеводу в отместку за казнённого сынка лично столкнул вниз с раската — ещё одна песня.

Все события в песнях этих отражены настолько подробно и с таким множеством исторических деталей, что можно смело говорить о нахождении в разинском войске певца, бояна, «летописца».

Но из Астрахани Разин решается идти на Москву — и вдруг случается обрыв песенного сопровождения!

Там такие события последовали: Разин и его войнство взяли Саратов, а затем Самару, а после Разин осадил Симбирск, у Разина были тяжелейшие бои с войнством князя Баратынского, Разина ранили в бою — и ни одной песни об этом!

Такое ощущение, что личный, разинский, ходивший с ним по Волге, по Яику, по Хвалынскому морю боян отказался участвовать в походе на Москву и вернулся с Волги на Дон.

Посему никак не были запечатлены ни взятие Саратова, ни взятие Самары, ни взятие Симбирска. Хотя до той поры песни сочинялись о куда менее важных событиях.

Песенный цикл возобновляется с того момента, как потерпевший поражение под Симбирском Разин возвращается на Дон.

Едва ли боян видел Разина в те месяцы и вправе был вернуться к нему, но он точно знал, что с Разиным происходит. Весь низовой Дон за тем, затаившись, следил.

Боян догадался, что Разину буйной головы не сносить.

На Руси разинские казаки никогда столь дурно, как в Персии, себя не вели. Бояр — да, резали, но решение о казни почти всегда принимал городской круг: и если горожане просили оставить воеводу в живых — оставляли.

После взятия очередной крепости и следовавшего за сим событием праздника Разин запрещал пьянство. Сам, может, и пил, а казачкам не велел.

За кражу попавшийся разбойник, даже из числа заслуженных казаков, убивался на месте.

Блуд являлся непрощаемым преступлением в среде разинцев: за насилие тоже наказывали смертью.

Известно, что в Астрахани Разин запретил не то что непотребство, но и бранную ругань!

А вы говорите: русский бунт, русский бунт...

Разномастных жителей захваченных волжских городов Разин «приводил к кресту» — они принимали присягу, обещая «за великого государя стоять» и «Степану Тимофеевичу служить».

Разин понимал суть русского человека, который даже бунтовать против своего хозяина желает заедино с царём и с патриархом.

Чем бы он занялся, попробуем угадать?

С азовского неудачного похода начинался разинский бунт.

Более того: одна из старейших казачьих песен рассказывает о том, как ещё совсем молодой Разин был заточён в азовскую тюрьму, но сумел оттуда выбраться.

Вполне себе возможная ситуация для профессионального переговорщика и дипломата.

Неудачи свои Разин помнил и обид не спускал.

Значит, взяв Москву, не слишком раздумывая, пошёл бы он оттуда на Азов.

И взял бы его, опередив Петра Великого.

Взяв Азов, нацелился бы на Тавриду.

У крымских берегов в годы младые Разин много товарищей потерял — так что и там свои счёты имелись в превеликом количестве.

Крымская орда целое столетие к тому времени была основным врагом донско-го казачества.

Победив бояр — кого ж ещё задавить было Разину, как не крымскую орду?

Разобравшись с ордой, вернулся бы на Каспий: «Что, шах, соскучился? Не захотел брать меня в подданство? Зато я тебя теперь возьму».

Предопределённость русской истории иных путей и не предполагала бы.

Разин и до своего поражения занимался ровно тем же самым, что и московские государи, и, когда б поражение его не случилось, дела свои продолжил.

Можно себе вообразить, как сидит он возле трона как бы тряпичного, только головой кивающего Алексея Алексеевича и без толмача говорит то с одним послом, то с другим.

Тем более что, зная восемь языков, любой девятый выучить — проще простого.

С Д'Артаньяном бы нашли что обсудить.

Ребёнка у Разина было два: приёмный сын и своя дочка.

Дочь его звали Евгения.

Давайте ещё раз повторим, для того чтоб всерьёз вдуматься.

XVII век, казачий Дон, атаман, которого по сей день считают беспутным разбойником.

Однако этот говорящий на восьми языках человек дочь свою называет Евгенией.

В честь кого? Почему?

Рижская газета «Северный Меркурий» в номере от 5 сентября 1670 года сообщала то ли в ужасе, то ли в радости: «...все приезжающие из Москвы подтверждают вести о мятеже. Глава его велит себя титуловать “князь Степан Разин, атаман”. Он, можно сказать, держит в своих руках оба больших царства — Астраханское и Казанское — и берёт один город за другим».

То было почти правдой: под Разиным находилась вся низовая Волга, крупнейшие города — Астрахань, Чёрный Яр, Царицын, Саратов, Самара. Окружённый Симбирск сидел без воды. Полдороги до Москвы было пройдено, оставались Казань, Нижний Новгород, где Разин намеревался зазимовать, Муром и Рязань.

Но под Симбирском удача отвернулась от Разина. Подошедшее воинство князя Боротянского поломало хребет разинским работникам.

...как же после этого в Симбирске было не родиться ещё одному беспокойному раскосому мальчику...

Побросав мужиков, в боевые качества которых Разин никогда особенно не верил, на немногих стругах он бежал на Дон. Дурная слава обгоняла его: городские ворота в Саратове и в Самаре Разину уже не открывали.

Ещё почти год атаман метался по донским станицам, зазывая донцев погулять по разбуженным русским просторам, но казаки не шли за ним.

Прошла зима, и, пока Разин клял и резал не согласных с ним домовитых казаков, бунт в чернозёмной Руси всё разгорался и разгорался, а имя разинское несли из уст в уста, как золотой цветок.

Он оставил, кинул русского мужика, только что разлепившего глаза и теперь уже без Разина, самочинно, захватывавшего городок за городком в Поволжье.

Но государево войско одолело и мужика.

Только в Арзамасе воевода Долгорукий казнил 11 тысяч смутьянов.

Напомним, что самое жуткое проявление бессмысленного и беспощадного разинского бунта случилось в Астрахани, где по решению круга атаманом было казнено... 66 человек.

Весной Степан свет закатный Тимофеевич собирался снова вернуться вверх по Волге, но в сырой день 13 апреля его пленили домовитые казаки во главе с крёстным его отцом, атаманом Корнилой Яковлевым, — и повезли в Москву.

И апрель везли, и полмая ещё — словно на очередное богомолье отправился Разин сквозь расцветающую русскую природу.

В Москву въезжал он в клетке. Стоял привязанный, с раскинутыми, как на распятье, руками, а брат его Фролка, тоже побузивший своё вместе со Степаном, бежал за телегой, прикреплённый цепью за шею.

Разина пытали две недели; он держался с невиданной стойкостью и пощады не просил.

6 июня 1671 года его четвертовали на Красной площади, принародно.

В народных песнях Степана Тимофеевича Разина казнят не Алексей Тишайший, а Пётр Первый: в народном понимании Алексей Михайлович народному заступнику не соразмерен. Великана должен казнить великан.

Когда Разину отрубили уже руку и ногу, брат его Фрол закричал, чтобы избежать казни, что откроет государю тайну. Разин, две недели беспрестанно пытаемый, с отрубленной рукой и ногой, крикнул брату:

— Молчи, собака!

Видите этот огрызок человечий? — палёный, горелый, с безумными глазами, с животом, изуродованным калёным железом, но кричащий истово: «Собака, молчи!»

Так надо уметь умирать.

И задуманное, и совершённое Степаном Тимофеевичем Разиным было для русского человека немыслимым, невозможным, выходящим за пределы сознания.

К уже сочинённым про Разина казачьим песням народ придумал свои, где Разин, к примеру, берёт для Ивана Грозного Казань. Или где племянник Разина, наделённый, в дядьку, огромной силой, просит Петра Великого простить Разина.

Имя Разина вошло в национальную мифологию и укрепилось там, как никакое иное.

Все отсылки к тому, что де Разин — «бандит», только «удачливый», — выдают в произносящих подобное — элементарное незнание темы и фактуры.

Атаманов, в том числе свершавших успешные «бандитские» походы, было великое множество, они исчисляются десятками.

Разин же — совсем про другое.

Он сокрушил представления о возможном и явил возможность праздника для всех сырых и оскорблённых.

Неслучайно и первая народная драма «Лодка» тоже посвящена Разину, а также, помимо песен, огромное количество русских народных и казачьих сказов.

Инерция воздействия разинского имени была столь велика, что Пушкин говорил о Разине, как о единственном «поэтическом лице» России, — исходя из количества песен, посвящённых ему. О Разине пели гораздо больше, чем о Грозном, Ермаке, Петре, Пугачёве, Суворове. Остальные исторические персонажи Разину и вовсе не конкуренты.

В XIX веке разинская музыкальная тема только усилилась, когда народом были положены на музыку посвящённые Разину стихи Сурикова («Словно море в час при- боя...»), Садовникова («Из-за острова на стрежень...», «По посадку городскому...»), Навроцкого («Есть на Волге утёс...»), — и слова этих песни стали восприниматься не как авторские, а как народные, приобретая неслыханную известность.

Сколь всё-таки огромным оказалось разинское очарование!

Народ обнаружил своё (яростное, сердечное, беспощадное, умное; словом — разное) отражение в одном человеке.

Хотя, казалось бы, сломленный под Симбирском, Разин, в сущности, так и не дошёл до чёрной, буйной, грязной, мужицкой Руси.

Не узнал мужика толком, не обнял, к сердцу не прижал. Бежал на Дон, не приняв смерть вместе с мужицкими ратями где-нибудь под Арзамасом.

Но мужик, ни на что не взирая, всё равно тянулся и тянулся из века в век корявыми пальцами к своему Стеньке: приди, атаманушка, выручи.

Ибо мужик тоскует, когда у него сидят на шее сытые люди и бьют пятками по бокам: «Н-но! Пошёл, мужик! Вези, мужик!»

Мужик везёт, везёт, а потом нет-нет да обернётся: может, нагрелось зарево где-нибудь у Царицына, может, пора уже, а?

Может, дойдёт хоть раз от станицы черкасской до его проклятой улицы праздник. Праздник сладкий, а потом солёный. Но сначала сладкий.

И. Годин. Степан Разин